

Министерство культуры и архивов Иркутской области
Иркутская митрополия Русской Православной Церкви
Иркутская областная государственная универсальная научная
библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского
Государственный архив Иркутской области
Архитектурно-этнографический музей «Гальцы»
Иркутский областной краеведческий музей

**НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ
(ВЕНИАМИНОВА) И ПРАВОСЛАВНАЯ
МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СИБИРИ, НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

*Материалы II научно-практической конференции
15 мая 2015 г.*

Иркутск
2015

УДК 281.93+266
ББК 86.372.24-8Вениаминов
Н 31

Рецензент В. П. Шахеров, д-р ист. наук, профессор

Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях : материалы II науч.-практ. конф. Иркутск, 15 мая 2015 / отв. ред. С. Г. Ступин ; науч. ред. С. В. Мельникова. – Иркутск : изд. Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ки им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2015. – 224 с.

Сборник статей включает в себя материалы II научно-практической конференции, состоявшейся в г. Иркутске и посвященной изучению наследия выдающегося православного миссионера XIX века – святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского, апостола Сибири и Америки, а также миссионерской деятельности в целом – в ее историческом и современном аспектах – на территориях, объединенных миссионерским и церковным служением святителя Иннокентия.

Издание адресовано представителям духовенства и светской науки, образования и культуры – историкам, филологам, краеведам, архивистам, музейным и библиотечным работникам, педагогам.

УДК 281.93+266
ББК 86.372.24-8Вениаминов

© Иркутская областная государственная
универсальная научная библиотека
им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2015

9. Камедина Л. В. Русская литература и Православие: темы для исследования : метод. рек. к курсу «Русская литература». Чита : УМЦК и НТ, 2015. 15 с.

10. Камедина Л. В. Русский храм : метод. пособие для учителя. Чита : Палитра, 2013. 40 с.

11. Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России : [сайт]. М., 2014. URL <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>.

12. Иннокентиевские чтения. Православие в Китае. Чита : ЦГБ им. А. П. Чехова, 2013. 95 с.

13. Православное Забайкалье : учеб. пособие. Чита : Экспресс-издательство, 2004. 273 с.

14. X Иннокентиевские чтения. Святитель Иннокентий (Вениаминов): деяния, наследие, современность. Чита: ЦГБ им. А. П. Чехова, 2007. 337 с.

УДК 821.161.1+281.93

*А. М. Любомудров**

ЛИТЕРАТУРА КАК ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ. ПРОЕКТЫ РУССКИХ КЛАССИКОВ

В статье рассматриваются попытки классиков русской литературы создать художественные произведения, выполняющие миссионерскую роль.

Ключевые слова: русская литература, Гоголь, Достоевский, Шмелев, Зайцев, православие, миссионерство.

Alexey M. Lyubomudrov

LITERATURE AS ORTHODOX MISSION. PROJECTS OF THE RUSSIAN CLASSIC WRITERS

Some attempts of classical Russian writers to create the works of art which are carrying out a missionary role have been considered.

Keywords: Russian literature, Gogol, Dostoyevsky, Shmelyov, Zaytsev, Orthodoxy, missionary work.

** Любомудров Алексей Маркович, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург. Lyubomudrov Alexey M., doctor of philology, leading researcher of the Russian Literature Institute of the Academy of Science (Pushkinskiy Dom), Saint-Petersburg. E-mail: anketaspb@yandex.ru*

В процессе секуляризации художественное творчество вышло из сферы религиозной, обрело автономность и вместе с тем получило огромный авторитет в общественном сознании – по крайней мере, в России. Литература стала поучать и пророчествовать, влиять на умы, все более тесня Церковь с поля, некогда всецело ей принадлежавшего. Этот «выход из храма» оказался столь широким и значительным, что в начале XX в. некоторые отечественные мыслители поставили вопрос о новом воцерковлении культуры. Речь шла о христианизации различных ее сфер, включая литературу, забывшую об Истине Христовой. Фигурально выражаясь, впору было высылать миссионеров в среду творческих личностей, проповедовать деятелям искусства. 1917 год прервал эти начинания.

Тем не менее известны случаи, когда светская художественная литература предпринимала попытки учить своих читателей вере христианской, и писатели, таким образом, становились миссионерами. Это весьма интересное явление заслуживает описания и осмысления.

Уточним понятия. Речь пойдет только и именно о православном миссионерстве. Как сформулировано в определении, «миссия есть деятельность по распространению православной веры, воцерковлению людей для новой жизни во Христе и передаче опыта богообщения» [11]. Иначе говоря, задача миссионера – нести в мир Божие Слово и свет Евангелия. Такая миссия подразумевает, естественно, передачу знаний о христианской онтологии, догматике, антропологии, экклезиологии, эсхатологии.

Зададимся вопросом: а способна ли в принципе осуществлять такую миссионерскую роль художественная литература? Наиболее строгие суждения находим у свт. Игнатия Брянчанинова. Необходимым условием для «христианина-художника» он считал очищение души, побуждая литератора в чем-то уподобиться древнерусскому иконописцу, который готовился к написанию иконы долгим аскетическим подвигом: «Чтоб мыслить, чувствовать и выражаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу» [8, с. 546]. К попыткам светских художников (преимущественно XVIII в.) говорить о Боге он относился крайне негативно: «Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они – какое преступление: переоблачать духовное, исказить его, давая ему смысл вещественный!» [7, с. 474]

Любопытные суждения оставил преп. Варсонофий Оптинский: «...Лучшие наши писатели стремились к Богу, хотя теперь как-то забыли об этом, и студенчество сейчас ничего не читает, а о Шекспире и Пушкине и понятия не имеют. А эти писатели могли поднять их от

будничной, серой, обыденной жизни и привести к Богу. Впрочем, надо сказать, что такое чтение хотя и может довести до мыслей о Небе, но ведет оно все-таки окольными путями» [2]. Здесь о. Варсонофий имеет в виду миссию не прямую, а опосредованную. В принципе, любое произведение искусства и, шире, явление реальности может неисповедимыми путями Промысла подтолкнуть человека к познанию христианства, привести к Евангелию. Но в данной работе речь пойдет именно о тех случаях, когда писатель *сознательно* создавал произведение с миссионерской целью.

В истории русской литературы было несколько таких проектов. Если говорить о классике, первым художником-миссионером был, несомненно, Н. В. Гоголь. Главная идея замысла «Мертвых душ» – показать духовное воскресение павшего человека. «И, может быть, в сем же самом Чичикове <...> заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес» [4, т. VI, с. 242], – предсказывает автор грядущее возрождение своего героя. Гоголь ставил задачу глобально: указать дорогу к Богу всем маловерующим или равнодушным к христианству. Духовное воскресение героев должно было послужить примером не только для соотечественников, но и для всего человечества, и автор не раз подчеркивал высоту своей миссии: «не земная воля направляет путь мой» [4, т. XI, с. 46].

Невозможность осуществить такой замысел стала личной трагедией писателя. Дошедшие до нас главы второй книги «Мертвых душ» куда менее выразительны, чем первой. Попытки показать начало «воскресения» Чичикова оставляют ощущение ходульности, неловкости, как в репликах этого героя: «даю вам слово начать другую <жизнь> <...> буду делать добро, сколько будет сил. Позабуду себя и всякие городские объяденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь» [4, т. VII, с. 114].

Подмена художественности поучением, сухое проповедничество – эти упреки даже близкие друзья Гоголя обращали к «Выбранным местам из переписки с друзьями», где автор тоже говорил о пути спасения. В письме к В. А. Жуковскому Гоголь признавался: «В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить живыми образами, а не рассуждениями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни» [4, т. XIV, с. 36]. Здесь выражена важнейшая мысль. Видимо, христианская истина в светском искусстве, в творчестве художественном может быть отражена – в известном приближении, конечно, – с помощью образа. А проповедь, снижая уровень художественности, часто вызывает и читательское отторжение.

Была и еще одна причина неудачи «православной миссии» Гоголя. Он, по словам И. Ильина, «по отношению к человеку застыл в очистительном “нет”, противился тому, чтобы сердце его пело в любви, а ведь никогда и никому из художников не удавалось ухватить и изобразить положительное иначе, чем способом *созерцания любящим сердцем*» [10, с. 274]. Работая над «Мертвыми душами», Гоголь постепенно осознал, что ему не только не удаются положительные герои, но и не могут удалиться. Видимо, поэтому преподобный Амвросий Оптинский «больше сочувствовал сожжению Гоголем своих произведений, чем <его> писанию» [3, с. 338].

Трудно сказать, скольких читателей подвинули к вере художественные шедевры Гоголя – «Ревизор», «Мертвые души», «Петербургские повести». Но, наверное, ни один другой писатель не привел столько людей к вере и к церкви, как Достоевский. В этом смысле его творчество объективно выполняло и, может быть, продолжает выполнять функцию миссионерскую.

Соединение писательского таланта и религиозно-философских взглядов было новым, непривычным в секулярном обществе XIX в. Достоевский первый из классиков стал глубоко и серьезно говорить о Христе. Он открыл глубины человеческой души, неведомые дотоле светским писателям. Грех, страсть, их последствия – всесторонне постигнуты и описаны в его романах. Впервые в отечественной литературе одним из главных героев стал монах – старец Зосима. Образ этого старца и монастырской жизни на десятилетия определили контекст русской словесности (породив художественную полемику Толстого, Горького, Леонова и др.)

Ставил ли Достоевский православно-миссионерские задачи? Прямых деклараций у него не встретим, но определенные цели, обращенные к современнику, у него конечно были. Вспомним, например, разъяснение того, что такое старчество на первых страницах «Братьев Карамазовых». Для многих Достоевский стал дверью, ведущей в храм.

Вместе с тем не случайно не прекращаются споры о том, насколько полно и точно Достоевский выразил православное мироотношение. Прислушаемся к словам митрополита Анастасия (Грибановского): «При потрясающей силе своего драматического таланта он ослепительно ярко обнажает перед нами зло от всех его покровов и так глубоко перевоплощается в своих отрицательных героев, как бы срастаясь духовно с ними, что это чувство невольно переживает читатель <...> Из его творчества течет одновременно и горькая, и сладкая вода. Не подлежит сомнению, что в своей личной жизни он преодолел злую

стихию, но он не передает этого чувства другим и не придает ему захватывающей и побеждающей силы» [1].

В творчестве Достоевского слабо выражено понятие о Церкви, ее мистической реальности: персонажи его знаменитых романов крайне слабо связаны с живым телом Церкви, как будто не знают о существовании церковных таинств. Старцы Тихон, Зосима – люди душевно чуткие, пронизательные, тонкие психологи, но основа подлинного старчества совершенно иная. Замысел изобразить «положительно прекрасного человека» (в образе князя Мышкина) многие принимают за намерение показать человека-христианина. Но у этого героя нет твердой основы – христианской веры во всей ее полноте, осуществляемой на практике. А без нее любая моральная высота, нравственная безупречность оказываются несостоятельными перед лицом зла – и князь терпит катастрофу, не выдерживает борьбы с «духами злобы поднебесными», точнее, просто не ведет ее.

Часто говорят: писатель не обязан быть богословом, не требуйте от его произведений полного соответствия церковным догматам и т. п. И это совершенно справедливо. Никто этого от писателя, конечно, требовать не вправе. Наоборот, гораздо чаще сегодня можно встретить литературоведов, для которых тот или иной классик становится мерилom и образцом «православности». Вот где нужно помнить о заповеди «не сотвори себе кумира». Между тем для некоторых Достоевский стал именно кумиром.

Если писатель выражает не вполне православное мировидение, если где-то его художественные идеи расходятся с вероучением – надо об этом спокойно сказать. *Не осуждая, но рассуждая*, ведь задача науки и состоит в установлении объективных фактов. И это совершенно необходимо, если речь идет о миссионерстве. Православное миссионерство – это все-таки ознакомление с Истиной. А если из книги читатель усвоит идею о грядущем вселенском братстве людей на земле, без всякого намека на Страшный суд? А если решит, что грех как бы необходим для спасения, и без падений в бездны нет и воскресения души? А ведь эффект воздействия от идеи, облеченной в яркую форму, во много крат выше, чем от рационального манифеста. Все это нужно учитывать миссионерам – педагогам воскресных школ или семинарий, если они берутся знакомить учеников с наследием классиков.

Во многих отношениях близок Достоевскому Иван Сергеевич Шмелев. Он пережил увлечения позитивистскими идеями, социализмом, вернулся к детской православной вере. Хотя и у него оставались вопросы «о Боге», над разрешением которых он бился до конца жизни. Все его творчество – поиск Правды, поиск Бога, поиск

спасения. При этом для Шмелева православие было неотделимо от России. Человек необычайно страстный, искренний, творчество которого называли «исповедью обнаженного и раненого сердца», – Шмелев безусловно принадлежит к типу писателя-миссионера.

Книга «Лето Господне» – прекрасный и один из лучших по сегодняшний день образцов высокой художественной прозы и одновременно литературы миссионерской. В ней широко представлено воцерковленное бытие, жизнь, пронизанная духом веры, благодати, православия. Шмелев всей душой мечтал о том времени, когда его книги разойдутся по России: «Если бы там отворилось... Знаю: мои “Богомолье” и “Лето Господне” были бы в каждом русском домике, пошло бы по всеям-градам и умягчало бы, *светило* бы душам <...> открывало бы радости сотворенного, учило бы *молиться*...» [9, с. 478]. Несение света истины, научение молитве – это ведь и есть цели миссионерские.

И эта мечта писателя сбылась: «Лето Господне», когда пришло в Россию, стало настольной книгой, энциклопедией для тысяч русских людей. Несправедливо видеть в ней только бытописание. Шмелев показывает, как в сознании ребенка, маленького Вани, формируются важнейшие, базовые понятия – греха, покаяния, святости, небесного покровительства, благодати. Вспомним сцену первой исповеди Вани. И здесь же мы находим прекрасный, редкий в русской литературе образ воцерковленного человека – плотника Горкина.

Миссионерскую задачу выполняют и другие замечательные книги Шмелева – «Старый Валаам», «Куликово поле», «История любовная», «Няня из Москвы». Но Шмелев – автор и другого уникального проекта. Речь идет о создании нового типа романа, целиком основанного на сознательно-православном мировоззрении – «Пути небесные». Шмелев стремился дополнить мир русской классики отсутствующей в нем темой – обретения христианской веры и отсутствующим в ней героем – православным воцерковленным человеком. Свою экспериментальную книгу автор называл «первым опытом православного романа»: «Все должно быть вобрано в ткань эпического романа, духовного романа... Знаю: такое не удалось ни Достоевскому, ни Леонтьеву, ни Лескову, ни Гоголю» [9, с. 479]. Этот роман, несомненно, сыграл известную миссионерскую роль. Когда книга Шмелева пришла в Россию, возникла некоторая эйфория. Впервые в русской литературе появился воцерковленный православный персонаж – Даринька Королёва. Вся ее жизнь связана с верой, церковью, молитвой, это действительно новый тип героя – верующий человек, ведущий напряженную духовную жизнь. Вместо психологизма в его толстовском, достоевском или чеховском

варианте в основу положено православное аскетическое мировоззрение, христианская антропология. Жизнь героев предстает как «духовная брань» со своими страстями и похотями.

Но если взглянуть сегодня на этот роман трезво – откроются и весьма опасные, с точки зрения миссионерства, вещи. Расходится с христианским пониманием Промысла, который герои и автор видят как предопределение свыше и часто называют «Планом». Мысль о предназначении каждого явления уводит от представления о Промысле и свободной синергии Бога и человека. Персонажи «Путей небесных» часто склоняются к мысли о фатальной предначертанности явлений, в том числе и грехопадений. Но Божественная воля не может вести к совершению греховных дел.

Тема покаяния, в христианской этике необходимо предполагающего отказ от греха, осталась не до конца реализованной. Ведь Даринька находится в грехе незаконного сожительства с венчанным человеком, и нарушение заповеди начинает художественно оправдываться. «Читатель вправе подумать, что можно совершать “путь восхождения”, преступая заповедь Божию», – справедливо пишет прот. Сергей Гомаюнов [5, с. 119]. Во втором томе духовная составляющая романа все более отдалается от христианского миропонимания. Образ Дариньки, кающейся и смиренной грешницы, постепенно вытесняется образом святой, творящей даже чудеса, и героиня предстает одним из воплощений Вечной Женственности. Влияние Серебряного века с его утонченной образностью, душевностью, нецерковной мистикой, наследие эстетики символизма прямо и косвенно сказалось на этом «духовном романе».

В литературе русского зарубежья есть еще один художник, который ощущал себя миссионером, причем именно православным. Это Борис Константинович Зайцев.

Оказавшись в 1922 г. в эмиграции, Зайцев открывает «Россию Святой Руси, которую без страданий революции, может быть, не увидел бы и никогда» [6, т. IX, с. 17]. Отныне свою миссию русского писателя-изгнанника он осознает как приобщение и соотечественников, и западного мира к тому величайшему сокровищу, которое хранила Святая Русь, – православию; как «просачивание в Европу и в мир, своеобразная прививка Западу чудодейственного «глазка» с древа России...» [6, т. IX, с. 87]

Эту задачу художнику удалось реализовать едва ли не во всех жанрах: это замечательные романы «Золотой узор» и «Дом в Пасси», рассказы, повести, жития святых, паломничества, автобиографическая и мемуарная проза, литературные портреты, критика, очерки, публицистика. Художественным предметом Б. Зайцева стала «Святая

Русь» – комплекс эстетических, мировоззренческих, религиозных, философских, национальных, культурных компонентов, базирующийся на православном христианстве как абсолютной Истине. Преимущественное внимание художника сосредоточено на передаче таких граней православия, как смирение, кротость, духовная красота, покой. В центре творческих интересов писателя – православное монашество, смысл аскетического делания.

В частности, книга Зайцева «Афон» стала лучшим описанием Святой Горы в литературе XX в. Во вступлении к ней находим программное заявление автора: «...Богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником. <...> Я пытаюсь дать ощущение Афона, как я его видел, слышал, вдыхал» [6, т. VII, с. 76]. Зайцев воплощает в своих очерках лишь внешнюю сторону святынь (связанную, конечно, с их внутренней красотой), передает лишь впечатления и ощущения «путешественника», надеясь, что читатель заинтересуется малоизвестным ему предметом и получит толчок к более глубокому, опытному познанию православного христианства.

Миссионерская сверхзадача Зайцева – воцерковление искусства слова и приобщение читателя к ценностям православия. Она тонко скрыта под внешней, светской оболочкой. Его «эстетическая проповедь» выражается в преимущественном воссоздании красоты, благолепия православной веры, он обращается к чувственной, эмоционально-душевной сфере читателя, отказываясь от всякого поучительства.

Установка на переживание Истины была вполне сознательна, и среди заметок писателя встречается ее теоретическое обоснование. Задача искусства, по Зайцеву, – не объяснить, а показать Истину, подвести к ней. Это развитие одной из глубоких традиций православной эстетики, воплощенной и в средневековом искусстве иконописи, и выраженной, например, в мысли Достоевского о том, что Истину нельзя доказать, но можно «увидеть». К этому же выводу, напомним, пришел и Гоголь: «говорить живыми образами, а не рассуждениями». По-видимому, это наиболее плодотворный путь для литературы как миссии.

Таковы наиболее показательные миссионерские проекты русских писателей. Интересно будет познакомиться с новыми подобными опытами. Мы знаем художников, которые прямо позиционируют себя как миссионеров. Например, В. Н. Крупин еще в 1995 г. откровенно заявил: «Теперь, уже насовсем, литература для меня – средство и цель приведения заблудших (и себя самого) к свету Христову» [12, с. 90].

Сегодня постепенно возникает целый пласт «священнической» художественной литературы. Но пока миссионерская задача решается в жанрах публицистики, очерка, короткого рассказа. Появятся ли в нашей литературе крупные романы или повести, которые при должном художественном уровне успешно осуществят и православную миссию, покажет время.

Литература

1. Анастасий (Грибановский) (архиеп.). Беседы с собственным сердцем : (размышления и заметки) [Электронный ресурс] // Русский иннок : сетевой журн. 1998. URL: www.russian-inok.org/books/anastasiy.html.
2. Варсонофий Оптинский. Духовное наследие [Электронный ресурс]. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2004. 367 с. URL: <http://predanie.ru/lib/book/105689/>.
3. Воропаев В. А. Гоголь и отец Матфей // Н. В. Гоголь и православие / сост. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М. : Отчий дом, 2004. С. 306–339.
4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952.
5. Гомаюнов С. А. «Вниди и в меня, Господи!». Вера и церковь в творчестве И. С. Шмелева. Киров, 2009. 128 с.
6. Зайцев, Б. К. Собрание сочинений : в 11 т. М., 1999–2001.
7. Игнатий (Брянчанинов). Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова : в 3 т. Т. 2 : Переписка святителя Игнатия Брянчанинова с монашествующими. М. : Паломник, 2011. 704 с.
8. Игнатий (Брянчанинов). Христианский пастырь и христианин художник // Брянчанинов И. Полное собрание творений и писем : в 8 т. Т. 5. М. : Паломник, 2014. С. 544–549.
9. Ильин И. А., Шмелев И. С. Собрание сочинений : переписка двух Иванов : в 3 кн. [доп. т. 4]. М. : Рус. книга, 2000. Кн. 2 : 1935–1946 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. 576 с.
10. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Рус. книга, 1997. Т. 6, кн. 3 : [О России и русской душе ; Гении России]. 560 с.
11. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. М. : Рус. Православ. Церковь. Отд. внешних церков. связей, [Б. г.]. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/church-mission/>.
12. Крупин В. Н. Слава Богу за всё : путевые раздумья // Наш современник. 1995. № 1. С. 89–101.